

Благотворительность в сельских местностях Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX вв.

Возрождение в современных условиях различных форм благотворительной деятельности, материальной и духовной помощи нуждающимся гражданам, с неизбежностью повышают знание исторического опыта. Во многом поучительна практика благотворительности эпохи пореформенного развития России и начала XX в., когда после отмены крепостного права была создана развернутая система общественного призрения, а главными мотивами ее стали осознание гражданского долга и забота о благе населения. Благотворительность тогда понималась как «проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему».¹

Первоначальной формой благотворительности в России являлась раздача милостыни нищим и пожертвования в храмы, при этом последнее рассматривалось как «защита от грехов», но на долгое время обеспечило церкви ведущую роль в благотворительной деятельности. Другим ее источником была народная традиция взаимопомощи, которая основывалась на моральных и религиозных воззрениях и опыте человеческого общежития: любой помогавший ближнему знал, что он тоже мог в случае беды рассчитывать на помощь со стороны других. Но постепенно благотворительность стала приобретать организованный характер, а расцвет ее пришел

ся на вторую половину XIX – начало XX вв.²

Немаловажным фактором становления и развития принципов российской благотворительности являлся многовековой опыт существования народа в рамках локальной социальной группы – общины, «мира». Устойчивость общины в России и общинная ментальность русского крестьянства привели к возникновению совершенно отличной от Западной Европы системы ценностей: сопричастности индивида к делам и интересам коллектива, солидарности, сотрудничеству, взаимопомощи.³ Община была не только институтом самоуправления и землепользования, но и идеалом правильного миропорядка, сосредоточием правды, справедливости, добра, а совместная деятельность крестьян в ее рамках была возможна лишь на основе общих нравственных основ. Жесткая зависимость русского земледельца от экстремальных природно-погодных условий порождала потребность трудовой взаимопомощи, которая постепенно стала нормой жизни крестьян. Традиции человеколюбия, взаимопомощи и милосердия проявлялись общиной в реализации ее главных функций – податной и поземельной, связанных с распределением податей, земли и повинностей. Под опекой крестьянского мира, а по существу на содержании, всегда находилось известное количество сирот, престарелых, калек, вдов с малолетними детьми, погорельцев. Выживание этих социально незащищенных категорий населения без общинного милосердия и коллективной благотворительности было просто невозможным.⁴

Во второй половине XIX в. в России сформировались три основных системы ор-

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 10-01-26108а/В)

Кузыченко Анна Сергеевна - кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры русской истории Псковского госпедуниверситета им. С. М. Кирова.

ганизации помощи нуждавшимся: государственное призрение, земская общественная помощь и частная добровольческая благотворительность. Существовали также благотворительные ведомства и учреждения, примыкавшие по своей организации и к государственному призрению, и к общественной помощи одновременно.⁵ Наиболее известными и многочисленными из них были Управление ведомств Императрицы Марии и Императорское человеколюбивое общество.

До 1861 г. на территории трех северо-западных губерний России – Петербургской, Псковской и Новгородской – существовало до 26 благотворительных обществ и 35 благотворительных заведений.⁶ Преобладали общества и попечительства, занимавшиеся призрением детей-сирот и престарелых, имевшие в своем ведении приюты и богадельни.

Детская смертность была чрезвычайно высокой не только в губернских и уездных сиротских домах, но и в крестьянских семьях. «Среди бедствий народа русского, - говорилось в воззвании Союза для борьбы с детской смертностью, - есть одно неизмеримое, отнимающее столько жизней, сколько не уносит ни война, ни холера, ни чума, соединившись вместе. Это бедствие – ужасающая детская смертность... Нигде на свете не умирает так много грудных младенцев, как в России. Ни христианский, ни мусульманский мир, ни даже язычники не знают этого бедствия в таких размерах...».¹⁴

После постройки Николаевской железной дороги питомцев Петербургского воспитательного дома с 1854 г. стали отправлять на воспитание в крестьянские семьи северо-западных губерний, а во второй половине XIX в. практика раздачи детей в деревни, расположенные поблизости от железных дорог, стала обычной. Для наблюдения за содержанием питомцев деревни делились на округа, которыми заведовал врач, ежемесячно обязанный навещать детей. Крестьяне и мещане не только брали детей на воспитание, но и порой усыновляли их. Так, в 1875 г. жена отставного унтер-офицера Прасковья Александровна Дулина сообщила в Новгородскую казенную палату: «Воспитанника Старорусского воспитательного дома Никиту Василье-

ва с шестимесячного возраста я взяла к себе на воспитание, и в 1859 году, когда ему было уже от роду 5 лет, ходатайствовала зачислить в Старорусское мещанское общество, с запискою при нем и меня, его воспитательницы, вместо матери с тем, чтобы он был мне вместо сына... Вырастив Никиту и воспитав его как сына, при моем бедном солдатском положении до 21-летнего возраста, я надеялась, что за все перенесенные мною работы и лишения, он будет мне под старость поддержкою, но у меня его единственного кормильца и подпору моей жизни взяли в военную службу новобранцем... и даже лишили его настоящей моей фамилии Дулина – назвав просто Никитою Васильевым, что для меня весьма прискорбно...». Ревизское отделение Новгородской казенной палаты не нашло оснований присвоить воспитаннику фамилию Дулин, т.к. «по спискам Воспитательного дома и по ревизским сказкам он значится с фамилиею Васильев».¹⁵ В 1876 г. крестьянин с. Большое Переходно Любанской волости Новгородской губернии Тимофей Осипов, у которого жил воспитанник Александр Михайлов, просил усыновить 21-летнего юношу, т.к. собственных детей у него не было, работать самостоятельно он не мог, все свое имущество передал Александру и жил на его иждивении. «В противном случае» Тимофей Осипов просил освободить его «от платежа податей».¹⁶

Прием на воспитание детей из Воспитательного дома становился для крестьян своеобразным видом промысла, т.к. грудные дети принимались за плату, менявшуюся с возрастом ребенка: в 1900-е гг. за воспитание малыша до трех лет выплачивалось в месяц 2,5 руб., 3-7 лет – 1,5 руб., 7-15 лет – 1 руб. За вскармливание грудью пяти питомцев по достижении ими 10-летнего возраста кормилице выплачивалось вознаграждение в сумме 30 руб.¹⁷ По отзыву современника В. Ушакова, «казенные» дети воспитывались «сравнительно сносно для крестьянской среды», а в семьях, где собственных детей не было – «как свои». Но поскольку призреваемых детей брали люди малосостоятельные, то бедность в той или иной степени отражалась и на юных питомцах.¹⁸ Тем не менее, ребенок привыкал к чужой семье и видел в своих

воспитателях отца и мать. Случалось, что находились и настоящие родители, изредка навещавшие своих детей, помогавшие им деньгами и одеждой, а иногда и забиравшие их к себе. «Один 8-летний мальчик рассказывал, - писал В.Ушаков, - что когда он гулял по деревне, из Питера приехала к нему «крестна» (так он называл свою родную мать) и спрашивает: «Где тут живет Павел?».- «Я испугался и убежал на задворок. Там нашла меня мамка и привела домой. Крестна привезла мне гостинцев, красную рубаху и прожила у нас неделю. А потом я ездил к ней в гости, прожил неделю, видел большие дома. Крестна подарила мне 1 р. 50 к. денег и проводила домой». Когда этому мальчику сказывали, что «крестна» ему родная мать, то он никак не хотел этому верить и продолжал называть ее крестной».¹⁹

Однако раздача детей на воспитание в крестьянские семьи порой оказывалась губительной для родных детей воспитателей. «В Верховском приходе нет теперь ни одной деревни, где бы не было питомцев – детей воспитательного дома, - свидетельствовал священник Алексей Алмазов. – И этим питомническим детским промыслом занимается преимущественно беднота. При этом наблюдается весьма печальное явление: матери-крестьянки, гоняясь за 40 рублями ежегодной платы, своих собственных невинных грудных младенцев оставляют в небрежении».²⁰

О количестве детей, поступивших в округа Новгородской губернии из Петербургского воспитательного дома, свидетельствуют имеющиеся данные за разные годы: так, в апреле-декабре 1894 г. Крестецким округом было принято 85 малышей, Мстинским округом в 1914 г. – 36 младенцев, из которых 29 умерло.²¹

По достижении 8-9 лет дети, находящиеся на воспитании крестьян, обязаны были посещать школу. В Новгородской губернии воспитательный дом имел для этого более 20 школ, в Псковской – 28, которые, по оценке современника, производили благоприятное впечатление: «Видно, что администрация заботливо относится к этому делу. Например, в Денисинской школе на 33 ученика имеется учебников 32 названия при 626 экз., а для вне-

классного чтения за один только 1899 год выслано было книг на 12 рублей. Учебники...и книжки для чтения подобраны умело из лучших современных авторов. Не удивительно, что подобного рода школы ведут дело с успехом».²² Далеко не везде, однако, дело обстояло столь благополучно, были и примеры прямо противоположного рода. Все учрежденные школы имели четырехгодичный курс обучения, в течение которого учили грамоте, пению, Закону Божьему, а также мастерству – сапожному ремеслу, рукоделию, садоводству, огородничеству, пчеловодству. По окончании учебы сдавались экзамены, а способным мальчикам предоставлялась возможность продолжить образование в Павловской учительской семинарии или сельскохозяйственном училище, девочкам – в Петербургском училище нянь и фельдшеро-повивальных помощниц. Обучались воспитанники и в земских школах, за что правление воспитательного дома перечисляло земствам средства на содержание школьных помещений и доплату учителям. По достижении 15-летнего возраста воспитательный дом прекращал оплату за воспитание детей. «С этого времени и до совершеннолетия питомцы работают на своих приемных отцов, и крестьяне дорожат ими как даровыми работниками. Но в окружающей среде они всегда чувствуют свое исключительное положение. На беседах, хороводах казенный не пользуется успехом среди девиц, те его избегают, потому что он полная сирота, не имеет ни кола, ни двора и к тому же его ждет обязательная воинская повинность. Отбыв службу, казенный старается пристроиться где-нибудь на стороне, даже на самой мелкой, незначительной должности. Только неудачники возвращаются к своим воспитателям, чтобы снова быть даровыми работниками... Положение девиц казенных совершенно иное... При счастливой наружности девица считается такой же невестой, как и все, выходит замуж за законного и сливается совершенно с населением».²³

По достижении 21-летнего возраста воспитанники приписывались к податным сословиям. Юноши при этом получали увольнительное пособие в 33 руб., а девушки при вступлении в брак – брачное вознаграждение в 20 руб. и увольнительное пособие в 30 руб.

В распоряжении правления Петербургского воспитательного дома имелся капитал маркиза Гертфордта, и проценты с него ежегодно распределялись в виде приданого между питомицами, вышедшими замуж за бывших воспитанников.²⁴

К 1887 г. в Псковской губернии тоже существовало заведение по типу «воспитательного дома». Находилось оно в д.Верхолино Псковского уезда и рассчитано было на 30 детей обоего пола. Собственного лазарета у него не было, но попечители смогли устроить для питомцев начальную школу (открыта в 1887 г.).²⁵ В целях заботы о здоровье воспитанников в каждом округе создавались больницы, лазареты или фельдшерские пункты. Доктора, работавшие в таких больницах, активно участвовали в просветительской и педагогической деятельности. Так, врач Плюсского окружного лазарета А. С. Ноздровский создал при лазарете школу на 40 человек, организовывал у себя дома любительские концерты, доходы от которых шли на развитие школы для сирот.

7 апреля 1895 г. в Петербурге было создано Общество попечения об улучшении быта питомцев обоего пола Императорского Санкт-Петербургского воспитательного дома, вскармливаемых и воспитываемых в деревнях округов, расположенных по линии Варшавской железной дороги. Председателем его стала княгиня З. Н. Юсупова, вице-председателем – псковичка М. В. Пантелеева. Общество оказывало помощь детям, которые в силу ограниченности площади самого воспитательного дома были поселены в крестьянских семьях Петербургской и Псковской губерний. Средства на благотворительность собирались из пожертвований – как действительных членов Общества, так и всех желающих помочь сиротам. Действительными членами общества, передавшими на нужды воспитательного дома не менее 100 руб., являлись и псковичи: барон Г. П. Медем, Е. Д. Новосильцева, Е. Н. Холостова, Е. А. и С. И. Зубчаниновы, П. Ф. Юктам, В. С. Петров из Гдовского уезда, П. А. и Я. А. Томиловы из Новоселья и др. Список этот постоянно расширялся.

Примером успешно действующего заведения для детей-сирот может служить

приют в усадьбе Килошицы под Плюссой, открытый 24 октября 1896 г. на средства владельца усадьбы, заведующего округами воспитательного дома А. В. Пантелеева. При приюте была организована школа для 20 воспитанников, для трудового обучения и руководства приглашен учитель П. О. Григорьев – бывший воспитанник Петербургского воспитательного дома. Приют имел собственную обувную мастерскую, огород и сад, доходы от которых тоже поступали для нужд воспитанников. В 1897 г. приют посетил министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, сделавший после ознакомления с работой вывод, что «создание заведения такого типа есть перспективное занятие, они гораздо лучше поддерживают сирот и принесут гораздо больше пользы, чем непосредственная благотворительность, всегда отзывающаяся милостыней».²⁶

Не только дети, но и старики нуждались в помощи и опеке. Если для первых создавались воспитательные дома и приюты, то для вторых – богадельни и дома призрения. Хотя они и не могли полностью решить проблему нищенства и бездомности, эти заведения достойны внимания и изучения.

На Псковской земле первые богадельни известны с XV в., во второй половине XIX в. городские богадельни находились в ведении земств и городских дум, в уездах призрение неимущих возлагалось на сельские общества и волостные сходы. До передачи в ведение земств (1864 г.) и городов (1870 г.) богадельни находились «в состоянии весьма неудовлетворительном»²⁷, а в последующем положение стало выправляться. Нередко создателями богаделен выступали частные лица, главным образом дворяне. Так, например, в 1863 г. на средства лейтенанта П. П. Лопухина и его матери был учрежден дом призрения инвалидов в селе Красный Бор Порховского уезда Псковской губернии: в собственном каменном доме поселились 12 отставных военных чинов.²⁸ Среди частных организаторов богаделен были также купцы, мещане, священнослужители и крестьяне. Среди купцов своеобразным «рекордсменом» в 1860-е гг. было купеческое семейство Плешковых, организовавшее в Псковском уезде целых три богадельни.²⁹ Крестьяне же Псковского уезда

в ознаменовании 25-летия отмены крепостного права тоже решили устроить богадельни и приюты «для немощных крестьян», для чего в течение трех лет (1884-1886) проводили сбор пожертвований: «не менее 20 копеек с каждой души в год».³⁰ Эта благородная инициатива, однако, в других уездах губернии отклика не нашла; указанные благотворительные учреждения были организованы только в Псковском уезде. В деле призрения «престарелых, дряхлых и бесприютных» участвовали и земства, хотя для них это был не самый популярный вид деятельности, и его «мероприятия носили более или менее случайный характер»³¹ Некоторые уездные земства все же стремились к большему участию в этом деле. Псковское уездное земское собрание, например, в октябре 1903 г. решило возобновить при управе деятельность «попечительства призрения», которое ведало бы этими вопросами в уезде и продолжило традиции, зародившиеся в конце 1880-х гг.: тогда были открыты пять домов призрения. Все они финансировались волостными сходами на суммы от 100 до 400 руб. в год, за исключением Изборской богадельни, которая существовала на проценты от запасного капитала и пособия местного ссудо-сберегательного товарищества (200-250 руб.).

Жизнь в богадельнях шла в соответствии с их Уставами: все виды занятий (сон, прием пищи, молитва и др.), свидания с родственниками регламентировались по времени, праздное времяпровождение не приветствовалось, призреваемые должны были заниматься чтением и рукоделием, убирать комнаты, чинить свою одежду, отлучаться без разрешения запрещалось.

На рубеже XIX-XX вв. в северо-западных губерниях выросло число благотворительных организаций попечительско-просветительского типа, что способствовало совершенствованию медицинского обслуживания, развитию местного образования и просвещения. В 1890 г. правительство России разработало «Правила о бесплатных народных библиотеках», открытие которых возлагалось на земские учреждения. В 1895 г. решено было ассигновать из капитала народного образования единовременно по 1000 руб. на уезд – с тем, чтобы уездные земства

устроили и открыли по четыре библиотеки в каждом уезде.³² Эти меры дали сильный толчок развитию в сельской местности сети библиотек.

«Ввиду большого спроса на книги деревенским населением, дело устройства библиотек и читален находится ныне в самом разгаре, - отмечало в 1899 г. Новгородское губернское жандармское управление. – Библиотеки открываются и для учителей, и для народа, преимущественно при школах... Проектируются и подвижные библиотеки. Средства на приобретение книг дают, главным образом, уездные земства, а снабжение книгами и подбор их берет на себя книжный склад при губернской земской управе в Новгороде... Дело это ведется в широких размерах и с редкой добросовестностью».³³

Заведование народными библиотеками поручалось, главным образом, учителям местных школ и священникам, реже – волостным писарям. В большинстве своем труд библиотечных работников не оплачивался, они выполняли свои обязанности на общественных началах.

4 ноября 1901 г., например, открылась бесплатная народная библиотека в селе Висленев Остров Каевской волости Крестецкого уезда Новгородской губернии – на средства, собранные служащими губернской земской управы, и пособие, выделенное губернским земством «в ознаменование плодотворной деятельности по народному образованию бывшего члена губернской управы, а затем председателя Крестецкой уездной управы Александра Павловича Храповицкого». Книжный фонд библиотеки насчитывал первоначально 509 экз., при открытии присутствовало до 300 чел., из которых 80 стали читателями. Размещалась она в здании школы, выдача книг производилась дважды в неделю – по четвергам и воскресеньям.³⁴

«Позволяем себе отметить отрадное явление – открытие у нас бесплатной народной библиотеки-читальни при местном волостном правлении от Старорусского земства, состоявшееся в феврале 1902 года», - сообщалось из села Налючи. Насколько велик был интерес к библиотеке, говорит хотя бы тот факт, что уже на третий день после открытия в ней из 300 книг осталось 15-20. Приходи-

лось до получения новой партии книг (около 200 экз.) читателям отказывать, а после увеличения количества экземпляров библиотека обрела до 400 читателей. Заведовал ею волостной писарь Василий Андреевич Лебедев.³⁵

Большинство народных библиотек не имели собственных, специально оборудованных помещений, и особенно – читальных залов. Ежегодно проводился анализ деятельности библиотек, круга чтения различными группами населения, и результаты доводились до сведения губернского земского собрания. Наибольшим спросом пользовалась беллетристика (выдача книг не менее 15 раз), затем шли книги исторического содержания, литература по географии, религиозно-нравственного характера, периодика. Наиболее любимыми сельским читателем были произведения А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, Л.Н.Толстого, Д.Дефо, Ж.Верна и др.

Идеи благотворительности распространялись и на празднование юбилейных дат. В апреле 1910 г. началась выработка программы празднования 300-летия Дома Романовых, а проведение торжеств было назначено на 21 февраля 1913 г. Мероприятия же различного характера начали проводиться задолго до этого. В ноябре 1912 г., например, в селении Грибули Грибулевской волости Островского уезда Псковской губернии состоялось торжественное освящение и открытие памятника царю-освободителю Николаю II, сооруженного на средства крестьян. Во время открытия, правда, произошел печальный инцидент: разорвало при производстве салюта пушку, в результате чего четверо присутствующих были тяжело ранены, и еще 14 – легко.³⁶ В Новгороде, на пересечении улиц Большой Московской, Большой Михайловской и Знаменской, тоже был открыт памятник Александру II. Инициаторами его сооружения были крестьяне Троицкой волости Новгородского уезда, принявшие на волостном сходе резолюцию: «...133 души в присутствии господина земского начальника, имели суждение: желая увековечить память Царя-Освободителя Императора Александра II по поводу исполнившегося 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости постановкой памятника в губернском

городе Новгороде, на средства крестьян, отпущенных волостными сходами всей губернии, для каковой постановки дела ассигнуем 100 рублей из мирских сумм волости, прося при этом нашего господина земского начальника 5-го участка Новгородского уезда войти с ходатайством пред Его Превосходительством, господином Новгородским губернатором для извещения об этом волостных сходов губернии...».³⁷ Всего было собрано около 8 тыс. руб., предложение троицких крестьян поддержано, а открытие памятника приурочено к 300-летию династии Романовых (в сентябре 1913 г.).

Многие благотворительные общества пытались содействовать и улучшению медицинской помощи сельскому населению, для которого практически не существовало больниц. Например, в конце XIX в. из всех «обследованных» уездов Петербургской губернии они существовали лишь в Лужском и Новолодожском уездах,³⁸ в остальном же в северо-западных губерниях медицинское обслуживание шло за счет приемных покоев и благотворительных обществ помощи нуждающимся больным.³⁹ Слабо было развито и призрение инвалидов. В этом отношении исключительным является пример организации инвалидного дома в селе Кончанском-Суворовском Боровичского уезда Новгородской губернии, созданного при содействии внука А. В. Суворова – князя А. А. Суворова, который пожертвовал для дома родовую усадьбу Каменку со всеми строениями и землей. Он также доставил пожертвования от императорской фамилии в сумме 6900 руб. и частных лиц (14121 руб). Дом получил название «Суворовского инвалидного дома».⁴⁰

Заметный след в истории благотворительности на Северо-Западе России оставили женщины. Известна своими благородными делами Анна Павловна Философова, в чем ее горячо поддерживал отец – П. Д. Дягилев, в письме к дочери (1869 г.) выразивший удовлетворение тем, что она «обратила свою благодетельную деятельность на деревенское хозяйство и сельскую школу». Благодаря связям в земстве и содействию помещиков Рокотовых, Елагиных, Львовых, Набоковых ею была 10 декабря 1870 г. открыта школа в Бежаницах. А. П. Философова стала ее по-

печительницей и оставалась в этом качестве до конца своей жизни. Учитель школы был обеспечен необходимыми книжными материалами, а когда число учащихся достигло 115-120 чел., потребовалось нанять еще одного учителя. В летнее время Анна Павловна устраивала в школе чтения для крестьянских детей. Она же открыла в своем имении прием амбулаторных больных, отвела для этого ком-

наты в одном из флигелей, два раза в неделю приезжал из Новоржева доктор. Затем была открыта аптека, а позднее построена больница, основана ссудо-сберегательная касса для крестьян.⁴¹ С именем А. П. Философовой, таким образом, во многом связано появление в губернии новой формы благотворительной – индивидуальной, а личность этой женщины стала образцом милосердия.

Примечания

- ¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Репринтное издание. М.1900. Т.7. С.55
- ² Абросимова Е.А. История законодательного регулирования создания и деятельности российских благотворительных организаций //Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 6. С.90
- ³ Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община //Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): Материалы международной конференции. М.1996. С.39
- ⁴ Якимова И.А. Взаимопомощь и милосердие как традиционные черты общинного менталитета русского крестьянства в XIX – начале XX вв. //Милосердие и благотворительность в российской провинции: Тезисы докладов Всероссийской конференции 22-23 марта 2002 г. Екатеринбург,2002. Сс.27-28
- ⁵ Максимов Е.Д. Очерк истории развития и современного положения общественного призрения в России //Общественное и частное призрение в России. СПб.1907. С.24
- ⁶ Благотворительные учреждения Российской империи. СПб.1900. Т.2. Сс.450-470, 581-590
- ⁷ См. подробнее: Кузыченко А.С. Благотворительные заведения и общества в Псковской губернии в пореформенный период //Земля Псковская, древняя и современная. Псков.2004. Сс.130-137; Ее же: Благотворительные учреждения Новгородской губернии в пореформенный период //Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. Великий Новгород, 2005. Сс.147-150
- ⁸ ЦГИА СПб. Ф.253. оп.3. д.182; ГИАНО. Ф.98. оп.3. д.208,325; ГАПО. Ф.366. оп.1. д.958
- ⁹ Благотворительность в России. СПб.1907. Т.1. Сс.78-85; ЦГИА СПб. Ф.253. оп.2. д.1187
- ¹⁰ Левин Н. Только ли воспитательный дом? //Новости Пскова. 1994. 15 апреля
- ¹¹ Рубахина Т.Н. «Казенные дети» (Об округах Санкт-Петербургского воспитательного дома в Новгородской губернии) //Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. Материалы Второй научной конференции историков-архивистов. Великий Новгород, 2002. С.62
- ¹² ГИАНО. Ф.367. оп.1. д.1. л.1,4,6
- ¹³ ГИАНО. Ф.367. оп.1. д.18. лл.19-20, 38, 48-49, 59-60; ф.472. оп.1. д.35. л.45
- ¹⁴ ГИАНО. Ф.472. оп.1. д.35. л.46
- ¹⁵ ГИАНО. Ф.418. оп.1. д.80. л.1; Подробнее см.: Рубахина Т.Н. Указ.соч. Сс.62-66
- ¹⁶ ГИАНО. Ф.418. оп.1. д.102. л.20
- ¹⁷ Рубахина Т.Н. Указ. соч. С.64
- ¹⁸ ГИАНО. Ф.409. оп.1. д.6
- ¹⁹ Вестник Новгородского земства. 1900. № 8. Сс.35-36
- ²⁰ Там же
- ²¹ ГИАНО. Ф.698. оп.1. д.24; ф.697. оп.1. д.1
- ²² Вестник Новгородского земства. 1900. № 8. С.35
- ²³ Рубахина Т.Н. Указ. соч. С.65
- ²⁴ ГИАНО. Ф.698. оп.1. д.6. л.4
- ²⁵ Левин Н. Только ли воспитательный дом? //Новости Пскова. 1994. 15 апреля
- ²⁶ Пасман Т.Б. Из истории благотворительности и образования сирот в Псковской губернии конца XIX века //Псковская школа. 1999. № 1. Сс.27-28
- ²⁷ РГИА. Ф.1287. оп.14. д.581

- ²⁸ ГАПО. Ф.20. оп.1. д.2129. л.124
- ²⁹ Там же. Лл.110-111
- ³⁰ Вестник Псковского губернского земства. 1887. № 15. Сс.690-691
- ³¹ **Журавлева Т.Н.** Земство и общественное призрение в Псковской губернии 1865-1890 гг. //Земля Псковская, древняя и современная: Материалы научно-практических конференций 2000-2001 гг. Псков,2002. С.162
- ³² ГИАНО. Ф.98. оп.3. д.1253. л.1
- ³³ **Пирумова Н.М.** Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М.1986. С.182
- ³⁴ Вестник Новгородского земства. 1900. № 24. Сс.38-39
- ³⁵ Вестник Новгородского земства. 1902. № 10. Сс.24-25
- ³⁶ ГАПО. Ф.20. оп.1. д.3078. л.2
- ³⁷ **Маркитанов Ю.** Открытие в Новгороде памятника императору Александру II //Чело. 2002. № 1. С.17
- ³⁸ ЦГИА СПб. Ф.253. оп.3. д.779
- ³⁹ ГИАНО. Ф.138. оп.1. д.2400
- ⁴⁰ ГИАНО. Ф.138. оп.1. д.2951; Вестник Новгородского земства. 1899. № 2. Сс.9-12
- ⁴¹ **Тыркова А.В.** Анна Павловна Философова и ее время: сборник памяти. Петроград,1915. Т.1. Сс.2-14,212; **Павлова П.А.** А.П.Философова – основательница первой школы в Бежаницах //Сельская новь. 1995. 21 июля

Приложение

Из доклада о результатах обследования школ и приютов воспитательного дома в округах

При осмотре школ и приютов в Плюсском, Изборском, Ямбургском, Горском округах замечены были некоторые упущения, вредно сказывающиеся на школьном деле, которые должны быть немедленно устранены.

Неряшливо содержатся школьные помещения: развешано белье для просушки, паутины на потолке и стенах, папиросные окурки на полу класса...

При наблюдении за уборкой класса: одной и той же загрязненной тряпкой лишь раз в неделю прополосканной в холодной воде, дежурный вытирает доску и затем окна.

Помещения самих учителей тоже не всегда в порядке. В одной из школ преподаватель встретил меня с растрепанными волосами и долго не мог разыскать тетрадей учащихся, которые, по его словам, оказались куда-то засунутыми.

Учителя неправильно смотрят на детей, плохо развитых в каком-либо отношении физическом или умственном, стараясь поскорее от них освободиться, между тем для этих обездоленных школа в особенности должна служить местом и возможным исправления, и источником светлых воспоминаний в будущем...

(ГИАНО. Ф.698. оп.1. д.21. л.3)